

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Философско-антропологический аспект феномена молчания

Хохоева Фатима Таймуразовна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: selfish@bk.ru

Слова Хайдеггера о том, что «язык – это дом бытия» [Хайдеггер, 1993, с.192], определяют культурную и философскую ситуацию XX века, когда язык был провозглашен доминантой, определяющей мышление человека и его представления о мире. Данное исследование посвящено теме соотношения языка и молчания. В нем отстаивается тезис о первичности молчания, являющегося основанием языка, делающим последний возможным.

Языку предшествует молчание, в том смысле, в котором безумие предшествует уму, а хаос – порядку. Изначальное молчание – это состояние невыразимой полноты пребывания человека в реальности, в которой нет никаких противоречий, так как в ней не действуют законы логики, а, следовательно, и не нужна артикулированность речи. Язык рождается из полноводных недр молчания. Человеческая речь до тех пор, пока она не превратится в обмен пустыми знаками, будет переплетена с молчанием, и только так она будет способна что-то говорить.

Поэзия как попытка выразить невыразимое, неподдающееся словесной обертке, является ярким подтверждением сохранения молчания в языке. Так, В.В. Биbihин пишет, что «поэзия – это искусство речи, которая умеет не нарушить говорящего молчания, потому что дает слово именно ему» [Биbihин, 2007, с.34]. Это попытка вырваться из пут языка и родить в зазоре между словами нечто неизъяснимое.

В работе также анализируются результаты исследований соотношения мышления и речи, представленные в статье Н. Жинкина «О кодовых переходах внутри речи». Для ответа на вопрос, что является определяющим – мышление или речь, ставится задача определить, осуществляется ли мышление только средствами языка. В ходе экспериментального исследования было выявлено существование некоего предметно-схемного кода, который носит невербальный характер и лежит в основе осуществления мыслительных операций. Таким образом, было обнаружено существование до-языкового пласта на более глубоком уровне, чем внутренняя речь, что говорит в пользу неязыкового истока мышления.

Действительное господство языка начинается, по словам Владимира Мартынова, в XVI-XVII веке [Мартынов, 2008, с.72]. Как пишет М. Фуко, это происходит потому, что слова получили задачу и возможность «представлять мысль» [Фуко, 1977, с.131]. Сама возможность представления появляется лишь тогда, когда человек окончательно выпадает из мира, оказывается на позиции внеположной ему. Эта дистанцированность человека от мира, позволившая ему из существа пребывающего в мире и непосредственно переживающего это пребывание стать существом представляющим, выражающим что-либо, закреплена в нововременной установке, превращающей человека в субъекта, а мир в объект. Символом такого разделения является Р.Декарт с его непреодолимым дуализмом двух субстанций.

Для современной ситуации характерно углубление тенденции по выпадению человека из реальности, что приводит к полному господству языка и вымыванию из его основ глубинного до-словного пласта, в результате чего слова девальвируются и превращаются в пустой звук.

Накануне эпохи информации деятельность русских футуристов кажется особенно симптоматичной. Их речетворчество – это порыв к истокам, к началу языкового, к звуку, рожденному эмоцией, к изначальному состоянию мира, когда все было хаосом и слиянностью, к речи без языка, к отсутствию устойчивой артикуляции, к до-словному. Устав от универсальности языка, они преисполнены решимости, по выражению П.Флоренского, «сделать язык более гибким, более восприимчивым, содрать с него застывшую кору и обнажить его огненную, вихревую, присно-кипящую струю» [Флоренский, 1990, с.170]. Несмотря на предостережение того же Флоренского, считавшего, что подобная акцентуация на речетворчестве в конечном итоге приводит к бессмыслице, представляется неслучайным появление этого явления в преддверии признания слова абсолютной ценностью и воцарения информационной эпохи.

Информация в трактовке основателя теории информации К. Шеннона, определяется как уменьшение неопределенности знания. Таким образом, предельно развитый информационный мир представляется миром, лишенным вопросов и тайн, а значит чудес и мистерий. Слова, как средства передачи информации, заполняют все вокруг. Глубина молчаливого смысла подменяется поверхностью выразительной болтовни. Власть переходит в руки обладателей слова. Реальным становится то, что представляется СМИ. Вывод, к которому мы приходим, неутешителен: несмотря на предельную наполненность мира словами, пропасть между человеком и миром и человеком и человеком остается в такой ситуации непреодолимой, потому что истинное понимание возможно только на до-словном уровне, на уровне молчания.

Таким образом, язык рождается из молчания, и, существуя, продолжает нести его в себе. Именно в антиномичности языка, в его говорящем молчании, в недосказанности, в его всегда неопределенной определенности заключена его сила. Молчание – есть полнота и избыточность, это полноводный источник из которого черпает смыслы речь. Лишенный источника, родник речи иссушается, слова становятся пустыми знаками, обмен которыми порождает одно лишь равнодушие. Речь, лишенная молчания становится немой. Человек, постоянно находящийся в пространстве немой речи, становится глух, он лишается чувств, теряет сознание. Поддаваясь соблазну множить речи и слова, следует помнить, что молчание – это единственная возможность встретиться с самим собой. А эта встреча может стать самой плодотворной.

Литература

1. Биbihин В.В. Язык философии. СПб., 2007.
2. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М., 2010.
3. Жинкин Н.И. О кодовых переходах внутри речи // Вопросы языкознания. М., 1964. №.6. С. 26-38)
4. Мартынов В.И. Зона opus-posth или рождение новой реальности. М., 2008.

5. Мартынов В.И. Пестрые прутья Иакова». М., 2009.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Основы метафизики нравственности. М., 1999.
7. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990.
8. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993.